

10. Яценко Т. С. Проблема глубинного познания психики субъекта в визуализированной самопрезентации / Т. С. Яценко // Психотерапия, практическая и консультативная психология – сплетение судеб: ежемес. науч.-практич. журнал / Глав. ред. В. В. Макаров. – К.: Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига, 2012. № 10 (118). – С. 22 – 30.
11. Яценко Т. С. Теория и практика глубинной психокоррекции: Третья Авт. школа академика АПН Украины Т. С. Яценко [Сост. А. В. Глузман (и др.)] – Ялта : РИО КГУ, 2010. – 200 с.
12. Яценко Т. С. Теория и практика глубинной психокоррекции: Четвертая и Пятая Авт. школа академика АПН Украины Т. С. Яценко [Сост. Андрущенко В. П., А. В. Глузман] – К.: Изд-во НПУ имени М. П. Драгоманова, 2011. – 261 с.
13. Яценко Т. С. Теория и практика глубинной психокоррекции: Шестая Авторская школа академика АПН Украины Т. С. Яценко [Сост. В. П. Андрущенко, А. В. Глузман] – К.: Изд-во НПУ имени М. П. Драгоманова, 2012. – 226 с.
14. Яценко Т. С. Глибинна психологія: діагностика та корекція тенденції до психологічної смерті / Т. С. Яценко, О. В. Глузман, І. В. Калашник. – Ялта : РВВ КГУ, 2008. – 204 с.

Резюме: В статье представлен анализ научных источников по проблеме символической презентации камня. Презентован эмпирический материал использования архетипа камня в глубинном познании психики субъекта по авторскому методу активного социально-психологического познания. Обобщены особенности символической нагрузки архетипа камня в материализованных презентантах участников психокоррекционных групп.

Ключевые слова: архетип, камень, глубинно-психологическое познания, психодинамическая теория, метод активного социально-психологического познания.

Резюме: У статті презентовано аналіз наукових джерел з проблеми символічної презентації каменя. Представлений емпіричний матеріал використання архетипу каменя в глибинному пізнанні психіки суб'єкта за авторським методом активного соціально-психологічного пізнання. Узагальнені особливості символічного навантаження архетипу каменя в матеріалізованих презентантах учасників психокорекційних груп.

Ключові слова: архетип, камінь, глибиннопсихологічне пізнання, психодинамічна теорія, метод активного соціально-психологічного пізнання.

© 2013

Е. Г. Максименко (г. Донецк)

РОЛЬ АРХЕТИПА В РИСУНОЧНОМ ОБЪЕКТИВИРОВАНИИ САМОДЕПРИВАЦИИ И ДЕЗАДАПТАЦИИ

Постановка проблемы. Мифология и символизм являются предметом частых обсуждений в психологии, особенно в связи с проблемой интерпретации [1 – 7]. То, чем миф является для культуры народов, для индивида предстает в виде образов снов, фантазий, актов творчества, произведений изобразительного искусства, музыки, поэзии и др. Учитывая результаты современных психоаналитических исследований, можно признать, что все те динамические формы, которые дают начало архетипическим символам, располагаются в бессознательном и представляют собой, согласно К. Г. Юнгу «матрицу человеческой души» [7]. Исходя из задач практической психологии, данный факт имеет особенное значение для процесса психокоррекции и психотерапии личности.

Исследование внутриспихических феноменов, в том числе механизмов самодепривации и дезадаптации в глубинной психологии возможно, на наш взгляд, только благодаря механизму апперцепции. Еще З. Фрейд утверждал, что бессознательные содержания возвращаются теми же ассоциативными путями, по которым происходил процесс вытеснения [5]. З. Фрейд показал в своих работах, что возврат вытесненного происходит в результате смещения, сгущения, конверсии и т.д. Описаны также общие условия возврата вытесненного: это ослабление противонагрузки, возрастание силы влечения, наличие актуальных событий, имеющих объяснительные причины в прошлом.

Архетип, как первообраз, символ бессознательной психической активности, спонтанно определяющей поведение и мышление человека, способен проявляться в виде архетипических представлений в продуктах творчества субъекта. Данное свойство, по нашему мнению, можно использовать в качестве инструмента в познании глубинных механизмов самодепривации и дезадаптации личности.

Изложение основного материала. Интерес к символическому содержанию восходит к древности, когда считалось, что данное явление можно рассматривать в качестве личностной мифологии [2]. Множество словарей – толкователей символики снов – египетского, арабского происхождения, сохранившихся до нынешних времен, свидетельствуют о внимании к снам как вестникам тайной истины о душе и жизни человека. Символику снов пытались разгадать множество ученых, философов, врачей прошлого. Учение о символах снов и

фантазий идеалистично по своей направленности. Это подтверждено К.Г.Юнгом, который показывал, что в фантазиях пациентов содержится не столько истинная реальность, как факты болезненного прошлого [7]. Определение З.Фрейда: «всякий сон есть подавленное желание» наталкивает на те же выводы, поскольку желания человека указывают на его потребности, устремления и скрытые возможности.

В научной литературе символизм характеризуется как искусство, ныне утраченное цивилизованным человеком [5]. Однако, эта утрата ограничивается сознанием и не касается бессознательной сферы психики. Язык образов и эмоций базируется на выкристаллизовавшихся средствах выражения, раскрывающих трансцендентные истины, как внешние по отношению к субъекту, так и внутренние для него. Кроме того, язык архетипичных символов обладает свойствами бессознательного и, в частности, способностью одновременно выражать противоположные аспекты представляемой им идеи. Бессознательное не признает внутренних различий противоположностей, а символическая функция проявляется именно в тот момент, когда возникает напряжение между противоположностями, с которыми сознание не может справиться самостоятельно [8 – 9].

В процессе онтогенеза субъект, ассимилируя социальный опыт, бессознательно выстраивает оптимально адаптивные матрицы поведения, позволяющие сознанию гармонизировать психику посредством системы защиты. Энергия архетипа в каждом конкретном случае «пробивается сквозь» психологическую защиту, что и показывают нам архетипические символы как арсенал инвариантов, образов психического содержания.

Обратимся к понятию «самодепривация». Проблема самодепривации психики субъекта непосредственно связана с феноменом психической депривации. Эти понятия близки, но не тождественны.

Исторически сложилось традиционное понимание депривации: это лишение индивида возможности удовлетворять сенсорные, эмоциональные или когнитивные потребности. Исследованы последствия психической депривации – дефицитарное и дисфункциональное развитие структур психики (Л. И. Божович, Дж. Боулби, А. Валлон, Д. В. Винникотт, А. И. Захаров, Г. С. Костюк, М. Кляйн, Й. Лангмейер, В. И. Лебедев, М. И. Лисина, С. Д. Максименко, Н. Ю. Максимова, З. Матейчек, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых, Р. А. Шпиц, Т. С. Яценко и др.). Как правило, условия депривации детерминированы извне, социальным окружением и поэтому наиболее подвержена депривационному воздействию детская, незрелая психика. Однако часто мы констатируем явление депривации в обществе взрослых людей, когда недостаток социального общения, дефицит положительных эмоций, новой информации приводит к депрессии, потере работоспособности, эмоциональному выгоранию, появлению психосоматических заболеваний, аддиктивному поведению и др. Внешне самодостаточная личность переживает одиночество, экзистенциальные страхи, потерю смысла жизни. Самодепривация обуславливается усилением эмоциональной изолированности, заблокированностью энергии либидо, возникновением тенденции к психологической импотенции, к смерти.

Существенна именно психологическая сторона депривационных последствий: вне зависимости от того, ограничена ли моторика человека, отлучен ли он от социума, лишен ли с раннего детства материнской любви, последствия депривации схожи. Тревожность, страх, депрессия, интеллектуальные расстройства – вот наиболее характерные черты так называемого депривационного синдрома. Симптоматика психической депривации может охватывать весь спектр возможных нарушений: от легких странностей в поведении и общении до грубых нарушений развития интеллекта и личности.

Рассматривая проблему психической депривации, отметим, что чем младше возраст ребенка, пережившего эмоциональную изоляцию, тем более деструктивны для личности последствия. Субъективно, психическая депривация переживается как отчуждение от мира значимых людей.

Процесс интериоризации в раннем онтогенезе затрагивает все стороны развития личности, в которые входит и образ взаимоотношений. Отчуждение со стороны матери, воспринимается индивидом как определенный штамп, программа отношения к себе, которая впоследствии реализуется, проецируясь во вне, что ограничивает возможности субъекта в формировании позитивной самооценки, чувства самоуважения, ощущения полезности обществу, возможности создания близких отношений. Внешняя депривация, отчуждение становится внутренним личностным интроектом, субъект депривирует, отчуждает самого себя.

Психоаналитические исследования показывают, что психическая самодепривация выражается в ощущении безнадежности, безысходности, разочарованности жизнью, понимании бессодержательности существования. Психологическое одиночество, переживаемое субъектом отражается на всех значимых жизненных сферах, прежде всего, в личных отношениях и в профессиональной самоактуализации.

Согласно Т. С. Яценко [8] самодепривация психики на уровне общения выражается в проявлениях психологической импотенции – разрушении контактов с другими людьми (посредством зависти, неадекватного восприятия партнера, крайней интровертируемости, ухода от реальности под действием замещения, чувств униженности, неполноценности).

Находясь в состоянии самодепривации психики, индивид, поведение которого бессознательно детерминировано энергией мортидо, совершает поступки, условно адаптивные: любовь проявляется через агрессию, радость сдерживается, спонтанность отрицается, и в целом человек отгораживается от общества в

надежде на внутренне-обособленное гармоничное существование. Иллюзия адаптации возникает и через дополнительно используемые аддитивные агенты, химического и нехимического происхождения. Поведение индивида и в целом его жизнь, строится на парадоксальном феномене нецелесообразности. Интересы, хобби, контакты человека выстраиваются в рисковом поле, в котором велика опасность для его жизни и здоровья. Физическая боль облегчает эмоциональные страдания, движение к смерти является защитой от самого себя. Таким образом, самодепривация становится фундаментом дезадаптивного поведения.

В практической психологии и психиатрии изучению явлений дезадаптации посвящено множество научных работ. Проблема не нова, но по-прежнему чрезвычайно актуальна. Непатологическая дезадаптация, представляющая собой нарушение гомеостаза между внутриспсихическим состоянием субъекта и внешней средой, в глубинной психологии рассматривается как симптом запруженной психической энергии, в результате вытесненного травматического переживания. Проявляясь в социуме, дезадаптация социумом же и детерминирована, а именно: деструктивным, непоследовательным, без учета удовлетворения потребностей (прежде всего витального и либидного характера), родительским отношением. Формирование личности происходит под эгидой функционирования защитной системы психики, что предполагает искажение и уход от неприемлемой, невыносимой реальности.

Сложность явлений дезадаптации в процессе психокоррекционного и психотерапевтического процесса, на наш взгляд, состоит в неразвитости (или недостаточной развитости) основного свойства адаптации – интеллекта и прежде всего его социально-перцептивной формы. Психика субъекта, нагруженная эмотивными переживаниями, энергетически не способна обеспечить гармоничное развитие личности, всех сфер психической деятельности, в первую же очередь страдают рефлексивные возможности.

В аспекте явления неадаптивности, В. А. Петровский обращает внимание на феномен неуловимости «Я» в рефлексии: «любая попытка осознать свое «Я» приводит к трансценденции за пределы исходных переживаний, что в свою очередь порождает переживание неполноты самопроявления в рефлексии, чувство того, что главное остается за чертой сознания» [3, с. 83].

Идея пассивно-активного характера потребности человека, реализуемая в работах С. Л. Рубинштейна, иллюстрирует проблему дезадаптации, как соотношения «внешнего» и «внутреннего» фактора формирования психики. Внешние воздействия вызывают эффект, лишь преломляясь сквозь внутренние условия. С данным принципом тесно связаны представления о направленности личности. Если рассматривать активность как свойство, присущее индивиду с рождения, то влияние внешней среды интенционирует активность потребности и в дальнейшем поведение человека. В ситуации депривации потребностей активность субъекта может изменить направление, силу и устойчивость. Активность может быть направлена во вне с гораздо большей силой (гиперактивность), при этом приглушается сообразность активности как целеполагающего свойства. Активность может быть направлена во внутрь (автоактивность), внешне проявляясь как пассивность, и человек может тормозить свое развитие, находясь в активном захвате внутренними противоречиями. Устойчивость активности может иметь неадекватный характер: внешняя ситуация воспринимается сквозь внутренние ощущения и переживания. Человек становится неспособным к анализу и конструктивной адаптации в социуме.

Психологическая работа не предоставляет возможностей непосредственно наблюдать действие человеческих инстинктов. Мы можем наблюдать только действие некоторых импульсов, в результате которого рождаются страхи, тревожность, конфликты, агрессия, ненависть, ревность, жадность, проявляется асоциальное поведение и, в целом возникает деструктивная деятельность человека. Фактически, мы наблюдаем процессы трансформации бессознательных желаний в осознанный страх, в преувеличенную сознательную любовь и т. п.

Приведем в качестве примера фрагмент психоаналитико-коррекционного диалога с Л. [4, с. 111 – 112].

Фрагмент стенограммы психоанализа рисунков протагониста Л.

П.: Какого человека вы отчуждаете (рис. 1)?

Л.: Человека, который раньше пользовался разными масками, снимая и надевая их.

П.: Вы искали такого человека в жизни, который бы сросся с вами, со схожим внутренним миром (рис. 1, маска посередине), а оказалось, это лишь маска, он вас обманул? Он угадал, что вам нужно, и подыграл?

Л.: Да.

П.: Так было не один раз?

Л.: Да.

П.: Люди четко улавливают личностную проблему, поэтому нас легко на этом «купить», использовать в своих интересах. Вы ожидали, что он вам «подарит» не несчастье, а идиллию?

Л.: Да.

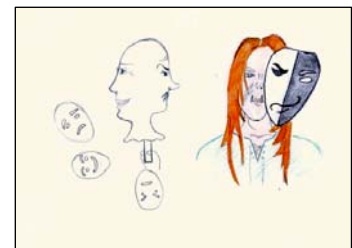

Рис. 1. Человек, которого я отчуждаю

П.: Там, где маски идентичны – они неживые, а там, где вы разочаровались, видим живое лицо (рис. 1). Значит, его «живое лицо» запротестовало, а вы его скатываете к омертвлению. Тенденция к омертвлению (если таковая имеется), распространяется на партнера, и он должен играть такую же игру, что объясняется условными ценностями. Он должен пройти с вами страдание. И он прошел агрессию, огорчение, а там, где радость – все темное, что указывает на ее относительность. Находясь на месте психолога, что бы вы сказали такому респонденту, как вы? Скажите что-то себе.

Л.: Я бы сказала: «Делай так, как хочется тебе, а не твоим родителям. Не нужно зависеть от чужого мнения».

П.: Вы желаете что-то оживить в себе, ведь начинаете со слова «хочется»?

Л.: Я хочу возобновить родителя в себе, нежели искать его в другом человеке.

П.: По отношению к партнерам вы были «родителем», ведь постоянно давали подвигу к тому, чего желали. Так что «родительского» в вас предостаточно.

Л.: Лично для меня его не было, а было по отношению к другим.

П.: Вы хотели сами для себя быть «родителем»? Вы – «родитель» для другого, и загоняете партнера в свои программы?

Л.: Нет, я просто хочу помочь другому человеку.

П.: Вы все время хотите помочь партнеру, а не себе?

Л.: Да, помочь в качестве поддержки с моей стороны.

П.: Но ведь поддержка нужна в первую очередь вам.

Л.: Я надеюсь, что благодаря мне он начнет ее оказывать.

П.: Вы хотите делать что-то кому-то, чтобы к вам относились хорошо, но люди думают, что это вам нужно, а не они так слабы, что требуют вашей помощи, поддержки. Я бы сказала: «Л., разберитесь во всех тенденциях, которые порождены в вашей жизни отношениями в семье, отношением к отцу, вашими ожиданиями. Разберитесь с внутренним противоречием, что вы желаете и чего боитесь. Нужно разобраться, почему происходит ранение сердца (рис. 2). В интимных отношениях вы зависите от судьбы матери, вы проживаете ее жизнь, и даже день смерти определен одинаково.

Л.: Он определен абстрактно.

П.: Если это проговаривается, то где-то оно впитано. Вы приручаете партнера к символическому сердцу, в результате он обращается к вам не с живым сердцем, а лишь демонстрирует то, чего вы хотите, ведь это превосходит его возможности. Он демонстрирует вам свою любовь, и вы можете ему демонстрировать свои чувства, как будто демонстрация и живая пульсация – это одно и то же. Рис. 1 указывает на то, что ваши желания не совпадают с возможностями. Эти возможности нужно адресовать куда-то, человеку, которого нет рядом. Поэтому выражена зависимость от отца. Не исключено, что в раннем детстве вам хотелось написать письмо отцу, и казалось бы возможности стали бы другими. Если вы вдвоем, то все переворачивается с ног на голову (рис. 3), ведь что-то превращается из живого в мертвое. Актуализация в себе мужского потенциала, дом – это единственное для вас утешительное место пребывания, и, несмотря на то, что есть бабушка, мама, одна рука, судьба, вы бы хотели создать свой дом. Но у вас либо силы не хватает, либо есть притяжение к дому, которого вы не можете преодолеть. Когда происходит драматическое событие в вашей жизни, вы показываете, что душа где-то, с кем-то, она как бы рискует, она как в пропасти, над пропастью. «Она душа, она не рискует погибнуть» – скажете вы, но это ваша любовь, она вымышленная, фантазийная, она без меры и бесконечна, и есть надежда, что когда-то, после смерти, «я буду с отцом».

Приведенный пример психокоррекционной работы иллюстрирует, объективирование тенденции к самодепривации и дезадаптивное поведение анализанда в общении с либидными объектами через архетипичные символы (маски, раненое сердце, качели, скала, обрыв и др.).

Анализ эмпирического психоаналитического материала показывает, что самодепривационные тенденции проявляются в символах, связанных с ощущением смерти, одиночества, потери, брошенности, отчаяния, агрессии, жестокости, страха, тревоги. Переживая подобные чувства, человек демонстрирует отказ от удовлетворения желаний, потребностей, жизненных удовольствий и радостей, что есть характерным признаком психологического омертвления. Депривация активности субъекта всегда создает внутреннее напряжение, что выражается в импотировании способностей и возможностей личности.

Рис. 2. Конфликт

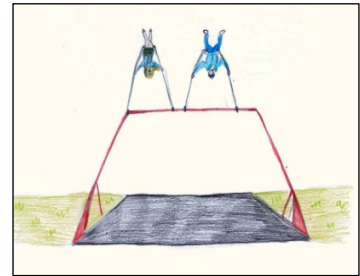

Рис. 3. Наиболее значимый для меня человек

Рис. 4 Драматическое событие моей жизни

Рисунки анализандов, презентующие самодепривацию и дезадаптацию

Рис. 5. Конфликт

Рис. 6. Мое рождение

Рис. 7. Как меня видят в служебной ситуации

Рис. 8. Мое обычное эмоциональное состояние

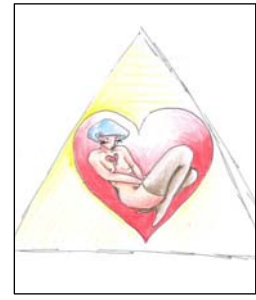

Рис. 9. Мои желания

Рис. 10. Карта моего внутреннего мира

Рис. 11. Какой меня видят (и видели в прошлом) родители и я сама

Рис. 12. Моя семья сейчас. Идеальная семья

Как видно из рисунков (рис. 5 – 12) самодепривация и дезадаптация в архетипичных символах проявляется через образы: «сломанные деревья, кресты, дома, сожженные церкви, леса, маски, ограничение пространства, борьбы тьмы и света и т.п. Повторяемость символики у разных протагонистов позволяет прояснить глубинные истоки самодепривации и дезадаптации, которые в каждом случае связаны с психической депривацией протагониста, его активности, спонтанности, чувственной сферы, познавательной направленности, характерологических и темпоральных свойств на ранних этапах онтогенеза.

Эмпирический материал коррекционного процесса подтверждает эффективность, разработанной Т. С. Яценко методики психоанализа комплекса тематических психорисунков и работы с использованием предметных моделей (игрушек, камней, теста) в работе с проблемами самодепривационного и дезадаптационного характера. Рисунки, модели, «нагруженные» архетипной символикой, способствуют познанию внутренней динамики психики в условиях спонтанной активности и непринужденности поведения человека.

Обобщая вышеизложенное, констатируем следующее:

1). Определяющим фактором формирования и развития самодепривации и дезадаптации психики субъекта является ближайшее социальное окружение, первичные объектные отношения. Депривация актуальных для жизнедеятельности субъекта потребностей, приводит к блокированию либидной энергии и детерминирует энергию мортидо, направленную вовнутрь (аутоагрессия). В результате формируются деструктивные личностные образования, препятствующие когнитивному и социальному развитию.

2). Интериоризация субъектом отношений депривации формирует негативные, депривирующие паттерны поведения, экстериоризация которых проявляется в девиантном, аддиктивном, агрессивном, аутодеструктивном поведении, а также в деформированных индивидуально-коммуникативных схемах.

3). Психокоррекционный эффект в работе с проблемами самодепривации и дезадаптации личности обеспечивается через проникновение в глубинные аспекты психики, связанные с объективизацией внутренних противоречий субъекта, и их осознанием посредством метафорических, ассоциативных и архетипичных символов, проявляющихся в рисунках, пространственных моделях и других продуктах творчества и деятельности анализандов.

Литература

1. Аврамченко С. М. Архетипна символіка у процесі пізнання внутрішньої суперечливості психіки : Навч. посіб. / С. М. Аврамченко, І. В. Євтушенко, Н. В. Сивопляс – Слов'янськ: ПП Канцлер, 2007. – 224 с.
2. Эдуардо К. Х. Словарь символов / К. Х. Эдуардо – М. : REFL-book, 1994. – 608 с.

3. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В. А. Петровский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
4. Теория и практика глубинной психокоррекции: Шестая Авторская школа академика НАПН Украины Т. С. Яценко / Сост. В. П. Андрущенко, А. В. Глузман – К. : Изд-во НПУ имени М. П. Драгоманова, 2012 – 226 с.
5. Фрейд З. Толкование сновидений / З. Фрейд – Мн. : Попурри, 1997. – 576 с.
6. Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2009. – 444 с.
7. Юнг К.Г. Человек и его символы / К. Г. Юнг – СПб. : Б.С.К. , 1996. – 454 с.
8. Яценко Т. С. Глибинна психологія : діагностика та корекція тенденції до психологічної смерті. Навч. посіб. / Т. С. Яценко, О. В. Глузман, І. В. Калашник. – Ялта : РВВ КГУ, 2008. – 204 с.
9. Яценко Т.С. Малюнок у психокорекційній роботі психолога-практика / Т. С. Яценко, М. Г. Чобітько, Т. І. Доцевич. – Черкаси : Брама, – 2003. – 216 с.

Резюме. Стаття содержит анализ роли архетипа в познании бессознательного содержания психики субъекта, объективирование проблемы самодепривации психики и дезадаптации личности. В данном исследовании выявлено, что символы агрессии, ненависти, одиночества, страха в виде архетипов живой и неживой природы, катаклизмов, разрушений рельефно иллюстрируют факты самодепривации и дезадаптации личности.

Ключевые слова: психическая депривация, отчуждение, влечение к смерти, влечение к жизни, деперсонализация, психологическая самодепривация.

Резюме. Стаття містить аналіз ролі архетипу в пізнанні несвідомого змісту психики суб'єкта, об'єктивування проблеми самодепривації психики та дезадаптації особистості. У даному дослідженні виявлено, що символи агресії, ненависті, самотності, страху у вигляді архетипів живої та неживої природи, катаклізмів, руйнувань рельєфно ілюструють факти самодепривації й дезадаптації особистості.

Ключові слова: психічна депривація, відчуження, потяг до смерті, потяг до життя, деперсоналізація, психологічна самодепривація.

© 2013

А. В. Маричева (г. Симферополь)

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ СТРУКТУРНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА

Социальный и культурный конструктивизм, идея ризоматичности структуры бессознательного, специфический характер постмодернистского дискурса сместили акцент психоаналитического внимания на образ как презентант бессознательного, а также на роль фонетических ассоциаций в ассоциативном процессе психоаналитической практики. Фонетические (а не семантические), ассоциации, воспринимаемые психологами времен З. Фрейда и К. Г. Юнга как поверхностны, в постмодернистских теориях бессознательного, опирающихся на структурно-аналитическую модель психической реальности субъекта, предложенную Ж. Лаканом, лингвистический аппарат стал фундаментом исследования, поскольку открыл доступ к непознанным ранее бессознательной психике.

На первый взгляд, единение аналитической психологии, архетипической модели познания психической реальности субъекта и структурно-аналитической модели, или «лакановского психоанализа», представляется некоторой психоаналитической химерой. Однако, как мы знаем, наиболее эвристичные идеи всегда зарождаются в соприкосновении сфер научного познания, кажущихся на первый взгляд методологически несовместимыми.

Как мы можем заметить, родство между парадигмами, лежащими в основе структурализма и аналитической психологии, основывается на гипотезе о том, что основная функция бессознательного состоит в придании формы (будь то социальные инфраструктуры, символические функции или архетипы) реальному содержанию – что находит подтверждение в мифах, сновидениях и симптомах, способах функционирования языка.

Основная идея, зародившаяся в результате встречи архетипической парадигмы и структурного психоанализа, четче всего была очерчена в работах доктора психологии в области прикладного психоанализа, члена Международной ассоциации аналитической психологии П. Кюглера. Она звучит так: «Содержит ли наш язык автономные группы ассоциаций, соединенные фонетически и укорененные в архетипическом образе?» [2, с.10].